

14. СНГ и евразийская интеграция: перспективы развития // [Электронный ресурс] / Интернет-портал СНГ. – 2021. – Режим доступа: https://e-cis.info/news/566/94643/?sphrase_id=30317. – Дата доступа: 20.12.2021.

15. Кармазин, Д. Н. Формирование евразийской гражданской идентичности и интеллектуальной кооперации в процессе становления гражданского общества и развития евразийской интеграции в Беларуси / Д. Н. Кармазин // Социокультурная евразийская интеграция: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. / науч. ред. Л. А. Василенко. – Белгород, 2017. – С. 155–167.

(Дата подачи: 22.02.2022 г.)

М. М. Юспа

Республиканский институт высшей школы, Минск

М. Yuspa

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 32.01:316.7

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОНЯТИЕ, ВИДЫ

SYMBOLIC CAPITAL: ORIGIN, DEFINITION, TYPES

В статье проводится анализ смысла термина «символический капитал», представленного в работе «Практический смысл» Пьером Бурдьё в 1980 г. Автор приходит к выводу, что определение, предложенное французским социологом, является скорее синонимом «репутации». Однако у «символического капитала» есть существенный потенциал для использования в качестве инструмента для системного анализа личностей, общностей, цивилизаций.

Ключевые слова: символический капитал; индивидуальный символический капитал; территориальный символический капитал; коллективный символический капитал; цивилизация; национальная безопасность; информационная безопасность.

In the article is being analyzed the meaning of the term «symbolic capital», introduced in «The Practical Sense» by Pierre Bourdieu in 1980. The author comes to the conclusion that the definition proposed by the French sociologist is rather synonymous with «reputation». However the «symbolic capital» has a significant potential for use as a tool for the systematic analysis of individuals, communities, civilizations.

Keywords: symbolic capital; individual symbolic capital; territorial symbolic capital; collective symbolic capital; civilization; national security; information security.

В статье «Столкновение цивилизаций?» (1993) С. Хантингтон отметил, что после окончания холодной войны противостояние ведущих мировых цивилизаций не завершилось ввиду победы либеральной идеологии над коммунистической и установления глобального либерального миропорядка, как полагал Ф. Фукуяма в работе «Конец истории?» (1989).

Противостояние лишь поменяло свою форму и трансформировалось от войны идеологий к столкновению цивилизаций через различие конфессиональных, культурных и этнических идентичностей [11]. Столкновение цивилизаций имело место всегда, только сегодня мы видим этот процесс лучше, чем наши предки пару столетий назад, лишь благодаря развитию информационных технологий, стирающих границы межкультурной и межличностной коммуникаций.

Цивилизации состоят из людей и их групп, и для эффективного понимания происходящих процессов в рамках взаимовоздействия различных цивилизаций необходимо правильным образом собирать, хранить, обрабатывать и использовать данные о людях, что является жизненно необходимым как для белорусской общности, так и для Русской цивилизации в целом в условиях все набирающей обороты многоликой беспринципной конфронтации. В этой связи большой интерес для анализа представляет концепция «символического капитала», представленная французским социологом Пьером Бурдьё.

Впервые понятие «символический капитал» появляется в его работе «Практический смысл» (1980), которая стала результатом этнологических исследований автора в колонизированном Францией и затем обретшем независимость Алжире, где он изучал жизнь местного населения в Кабильском регионе и влияние колониальных войск и администрации на трансформацию племенного уклада [9, с. 358–358]. «Символический капитал» Бурдьё определил как «капитал чести и престижа», разумно накапливая и преумножая который индивид получает некий более высокий статус, позволяющий ему пользоваться дополнительными преимуществами в социуме [3, с. 231].

Исходя из представленного видения можно с большой долей вероятности предположить, что речь идет о некоем внешнем антураже или, говоря уже известными терминами, о репутации, определение которой говорит о качестве характера, основанном на общей оценке людей или общественном уважении – добром имени [10]. По сути, мы имеем дело с так называемым ребрендингом, когда берется уже некоторое время существующий на рынке продукт/организация или человек (личный бренд) и меняется внешняя графическая оболочка, название, пересматривается подход к философии продукта, его истории. В данном случае репутации придали магический флёр традиционности. При этом Бурдьё рассматривает символический капитал как пополняемый ресурс посредством, например, демонстрации своего статуса неким бессмысленным, с точки зрения обывателя, шествием, что предполагает наличие финансовых ресурсов на такого рода показ и, следовательно, ограничение допуска в клуб символических капиталистов [3, с. 233].

Автор сопоставляет подходы к осуществлению экономических отношений в отдельно взятой общности и известной ему европейской капиталистической модели и справедливо отмечает, что экономизм капиталистического общества не может понять эту архаичную сущность традиционной экономики, так как она построена на абсолютно другом мировосприятии.

Он указывает, что рассматриваемое общество обожествляет окружающую природу и этими своими действиями возводит моральный барьер, не позволяющий видеть природу исключительно как источник необходимого в производстве сырья, а труд как борьбу за сырье с божественной природой [3, с. 222]. То есть у этих людей выстроена иная структура мировоззрений, в соответствии с которой экономика является производной от мирного сосуществования с природой, а не результатом ее покорения.

Бурдьё рассматривает пример традиционного ужина в качестве благодарности каменщику за выполненную работу как скрытую форму оплаты – «коллективно согласованное притворство». Фактически хозяин дома мог бы отдать работнику стоимость ужина и тем самым избежать исполнения этого трудоемкого и бесполезного на взгляд европейца ритуала, но предпочитает вложить средства в покупку ингредиентов для трапезы [3, с. 224]. Полагаем, что в данном случае речь идет об устоявшемся обычае общности, а не попытке завуалировать экономическую составляющую повседневной деятельности, как это видит западный человек исходя из шаблонов своего мышления.

Подобные действия хозяина можно интерпретировать как желание продемонстрировать наемному работнику высокий уровень уважения к его труду, так как им и его супругой было потрачено время на выбор продуктов и их приготовление, а такое внимание не может быть оценено деньгами. Это может быть символом почетности любого труда в обществе.

Чем бы это ни было, но оно было глубоко заложено в местные устои, однако, в результате воздействия европейских практик, понимание этих процессов начало меняться и в 1955 г. произошел скандал, когда местный каменщик попросил денежную компенсацию за приготовленный обед и удалился [3, с. 223]. Таким образом, символ потерял свое значение – культурный процесс поменял направление своего движения, впитав элементы мышления, более свойственные колонизаторам.

В описании символического капитала Бурдьё не делит его на категории, но из его анализа можно сделать вывод, что символический капитал все-таки стратифицирован. Так, автор указывает, что «соглашения заключаются тем легче и тем полнее полагаются на “добросовестность”, чем генеалогически ближе участвующие в них группы или индивиды; и наоборот, чем более обезличенными оказываются отношения, т. е. по мере перехода от отношений между братьями к отношениям между “чужаками” – жителями разных деревень, тем менее шансов, что сделка вообще будет заключена, зато при этом она все более способна стать чисто “экономической”» [3, с. 225].

В этих словах можно увидеть, что есть некая малая родственная группа, у которой свои традиции ведения дел и ее члены понимают, что в отношении друг с другом все неписанные правила будут соблюдены и поэтому можно обойтись и без внешних экономических или юридических инструментов во взаимном обмене, но нет гарантии, что данные правила,

передаваемые из уст в уста, будут также соблюдаться и членами иной группы, и поэтому начинает работать другая процедура, т. е. мы приходим к делению символического капитала на типы. В данном случае – индивидуальный и коллективный.

Бурдьё приводит хороший пример коллективного символического капитала, представляя отношения купли-продажи: «...старика-информаторы неистощимы в рассказах о том, какие хитрости и обманы обычно практикуются на «больших рынках», т. е. при обменах с незнакомыми людьми. От них только и слышишь, что о мулах, которые убегают, едва приведенные к новому владельцу, о растирании быков особой травой (*adhris*), чтобы они распухли и казались более упитанными...» [3, с. 225]. В этом описании экономической коммуникации на рынке мы видим обращение к еще одной копилке знаний. С одной стороны, это все те же знания группы, с другой – они привязаны к конкретной географической зоне со свойственной ей флорой, возможно, не представленной в местах обитания племени, с которым ведутся торговые отношения. Это знание одновременно является и частью базы данных группы и привязано к территории, т. е., по сути, это символический капитал места, который является набором информации о местности, и обладание им позволяет получать не совсем этическое преимущество при осуществлении сделок по продаже скота.

Примеры традиционного уклада алжирского племенного общества, представленные Бурдьё, демонстрируют, что символический капитал есть не что иное, как знание или набор данных, которые можно использовать для увеличения собственной экономической или репутационной выгоды в зависимости от контекста применения. Обладание и использование символического капитала формирует определенное мнение об обладателе, фактически создавая его репутацию.

Данное обстоятельство еще раз доказывает, что символический капитал этой малой группы есть не что иное, как вместилище особой информации, закодированных данных. И представитель другой группы не в состоянии оценить глубину этих знаний, так как не владеет, исходя из примера отношений на рынке, природным контекстом развития общности конкурента – т. е. ключами декодирования, которые позволяют представителям той или иной общности вести такую некрасивую рыночную борьбу.

На накопительную, распределительную и обучающую функции коллективного символического капитала обращает внимание и российский политический мыслитель А. С. Панарин, по словам которого это есть не что иное, как копилка памяти, общих ценностей и обычаев, в которую также входят образы героев и габитусы (шаблоны поведения, основанные на локальном знании) [6]. Российский исследователь Д. А. Аникин отмечает, что важной составляющей символического капитала является социальная память, которая есть «совокупность способов репрезентации прошлого», т. е. процедура по обращению в историческое знание и его последующего представления в той или иной форме [1].

Бурдьё в своей работе воспринимает кабийские племена как стоящие на более низком уровне развития, констатируя, что «никто не ведаёт различия между трудом производительным и непроизводительным, прибыльным и неприбыльным» [3, с. 228]. Он указывает, что эта общность не хочет принимать «объективную суть» экономики, и приходит к выводу, что местные экономические взаимодействия, не имеющие видимого материального значения, по сути «бескорыстные и вместе с тем бесполезные». Это, по мнению автора, означает, что «отрицаемый капитал, признанный в своей законности, а значит не узнаваемый в качестве капитала – это и есть символический капитал» [3, с. 230].

Российский исследователь Н. Г. Федотова, которая отмечает, что в современном обществе под понятием капитала «в самом широком контексте, понимают ресурсы, приносящие прибыль» и можно предположить, что символический капитал Бурдьё тоже должен иметь некие ресурсы, благодаря которым он приумножается [7]. В данном случае мы можем сказать, что ресурс, приносящий прибыль при мошеннических сделках на традиционных рынках, описанных Бурдьё, даёт знание о правильном использовании предоставленной природой материалов, базирующееся на ареале обитания племени. И мы опять приходим к тому, что символический капитал – это некий объём уникальной для его носителя информации, который позволяет его выделить среди других.

Бурдьё смотрит на символический капитал как на элемент «экономики добросовестности, где лучшую, если не единственную экономическую гарантию составляет добрая слава» [3, с. 232]. Но что это если не традиция, укоренившаяся столетиями развития этой общности? Ведь должны быть критерии оценки «доброй славы», которые позволяют делать заключение о порядочности личности.

На примере рыночной торговли, где человек «за счёт кредита и капитала доверия, который даёт репутация человека не только богатого, но и честного», может совершать сделки, не используя материальные ресурсы, а опираясь лишь на свою репутацию, мы опять видим, что Бурдьё рассматривает символический капитал очень узко – как имиджевую составляющую индивидуума не пытаясь заглянуть в глубь самого явления и вставить этот анализ в контекст [3, с. 233].

Когда же мы все-таки погрузимся в детали происходящих событий, от которых никогда нельзя отходить в исследовании, то сможем увидеть, что эта репутация не является чем-то врожденным и не передается человеку с кровью, за исключением тех случаев, когда ребенок рождается в уважаемой семье с неким авансом доверия, который он должен будет подтвердить по мере взросления. Индивид не растет в стерильной среде, а постоянно находится в различных группах (семья, спортивный кружок, школа, университет, армия, работа, страна), которые передают ему традиции, верования, знания и другие элементы кода, формирующие его индивидуальный символический капитал. На основании полученных данных происходит

сознательная или бессознательная оценка этого человека иными людьми. Очевиден и тот факт, что этот индивидуальный символический капитал не имеет равной значимости в разных общностях и потому не может быть исключительно репутацией. Это можно хорошо увидеть на примере следующей гипотетической ситуации.

Допустим, на планете Земля в какой-то мало изученной местности сохранилось небольшое и автономное поселение людоедов, которое использует обряд поедания людей сугубо в ритуальных целях – для устрашения своих противников. Раз в месяц они нападают на соседей, и по итогу этой миссии воины съедают сердца убитых противников и нанизывают их уши себе на ожерелье. Чем длиннее ожерелье, тем выше социальный статус члена племени, так как это указывает на то, что он умелый боец, прожил долгую жизнь и имеет серьезные в ней познания.

В соответствии с шаблоном Бурдьё этот человек обладает у себя в общности весомой репутацией, имиджем храбреца и, следовательно, значимым символическим капиталом. В своей группе он свободно может этим статусом пользоваться, так как любой захочет ему помочь в сезон уборки урожая, чтобы взять на себя частичку его символического капитала в виде передаваемых знаний о земледелии и ведении военных кампаний. Но сможет ли он получить такой же социальный статус, если решит эмигрировать в западную Европу? В недалеком будущем, с учетом тяги Западной цивилизации к легализации всяких, еще половину века назад запрещенных, практик, это вполне возможно, но сегодня на него однозначно будут смотреть как минимум с осторожностью.

Тут мы приходим к выводу, что символический капитал без местного культурного процесса, знаний, смыслов, символов, традиций, религии, а может природных особенностей, существовать не может. И логичным кажется вывод, что символический капитал (в данном случае индивидуальный) – это набор знаний индивидуума, которые формируют его умения, мировосприятие, мировоззрение, характер и репутацию. Но эти знания не существуют сами по себе в пространстве. Человек откуда-то их черпает! Другие же соплеменники производят оценку его качеств на основании переданного кем-то шаблона, а не верят на слово. Значит, есть и система хранения более высокого уровня – уровня деревни, племени, профсоюза, партии, народа, страны, цивилизации – уровня общности.

Теперь, когда люди слышат ключевые слова, то у них сразу в голове начинают всплывать определенные символы. Слышат еврей и ассоциации подсказывают – Холокост, тяжелая судьба, Израиль, развитая наука и сельское хозяйство, банковское дело, мяжа аседласці. Слышат белорус – картошка, толерантность, добрососедство, тяжелая судьба двух мировых войн, геноцид немецкими захватчиками, трудолюбие, молодое государство, «русский со знаком качества», как говорит Президент Беларуси [2]. Русские – богатая история, один народ с белорусами и украинцами, литература, стойкость, широта души и т. д. Все это объединяет М. В. Демид

дова, отмечая, что одной из важнейших характеристик символического капитала сегодня является «доверие на основе знания», которая рождается из способности символического капитала к «информационному накоплению» [4; 5].

На основании приведенного анализа, можно уверенно сделать вывод о том, что понятие символического капитала имеет более глубокое и весомое значение, чем в него изначально вложил Пьер Бурдьё.

Мы предлагаем дополнить первичное определение, представив новое авторское прочтение символического капитала как системы накопленных знаний, основанной на различных характеристиках объекта исследования, таких как язык, культура, история, религия, география расположения и жизнедеятельности, способы осуществления действий, климат и пр., которые формируют его мировоззрения, формат мышления, шаблоны поведения и в дальнейшем репутацию в глазах других.

Также символический капитал можно разделить на различные типы. Он может быть индивидуальным, коллективным (семья, класс, профсоюз, трудовой коллектив, человеческая общность, цивилизация, прочее), территориальным, символическим капиталом неодушевленных объектов, корпоративным символическим капиталом и иным.

Исходя из приведенных аргументов, мы делаем вывод, что символический капитал имеет важнейшее значение в системе изучения людей и общностей, которые они составляют. Зная эти особенности и сформировав инструментарий для сбора, хранения и обработки информации символического капитала, можно прогнозировать поведение индивидуумов и наций, просчитывать риски от принимаемых решений, осуществлять перенастройку отдельно взятых общностей, закладывая нужные, позитивные векторы развития, а также противодействовать попыткам злонамеренного воздействия на символический капитал извне.

Список использованных источников

1. Аникин, Д. А. Социальная память как символический капитал / Д. А. Аникин // НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9(152). – Выпуск 24. – С. 282–287.
2. БЕЛТА: Лукашенко напомнил, что «белорус – это русский со знаком качества» [Электронный ресурс] // Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости». – Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2019-01-18/BELTA-Lukashenko-napomnil-chto-belorus>. – Дата доступа: 11.01.2022.
3. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с. – («Gallicium»).
4. Демидова, М. В. Модели управления символическим капиталом / М. В. Демидова // Вестник ПАГС. – 2015. – № 1(46). – С. 91–98.
5. Демидова, М. В. «Символический капитал» П. Бурдьё и «Капитал» К. Маркса / М. В. Демидова // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 11. – С. 27–32.

6. Панарин, А. Стратегическая нестабильность XXI века [Электронный ресурс] / А. Панарин // E-LIBRA Электронная библиотека. – Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/103354-strategicheskaya-nestabilnost-xxi-veka.html>. – Дата доступа: 16.01.2022.

7. Федотова, Н. Г. «Капитал» Маркса в контексте теории символического капитала / Н. Г. Федотова // Философская мысль. – 2018. – № 9. – С. 38–44.

8. Definition of Reputation [Electronic resource] // MERRIAM-WEBSTER'S UNABRIDGED DICTIONARY. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/reputation>. – Date of access: 16.01.2022.

9. International Encyclopedia of the Social Sciences. – 2nd edition: in 9 vol. / ed.: W. A. Darity Jr. – Detroit, etc.: Macmillan Reference USA, 2008. – Vol. 1.

10. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations? [Electronic resource] / S. P. Huntington // Foreign Affairs – 1993. – Vol. 72, № 3. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>. – Date of access: 10.01.2022.

(Дата подачи: 10.02.2022 г.)

П. В. Юсупов

Белорусский государственный университет, Минск

P. Yusupov

Belarusian State University, Minsk

УДК 328.182

**ГРНТИ 11.15.89 ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ.
МАССОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ**

**ИНСТИТУТЫ КОММУНИКАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ**

**INSTITUTIONS OF COMMUNICATION OF THE FEDERAL
EXECUTIVE BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND BUSINESS COMMUNITY AS A TOOL
OF THE STATE POLICY FORMATION**

В статье раскрывается опыт функционирования общественных советов как инструмента коммуникации органов исполнительной власти и бизнес-сообщества Российской Федерации. Показано, что опыт Российской Федерации может быть применен для развития системы взаимодействия государства и бизнеса в Республике Беларусь в целях повышения эффективности коммуникации при формировании государственной политики и повышения конкурентоспособности белорусских компаний на рынке Российской Федерации.

Ключевые слова: взаимодействие государства и бизнеса; формирование государственной политики; коммуникации; бизнес; консультативные общественные советы; политика в области предпринимательства.

In the article the experience of functioning of public councils as a communication tool between the executive authorities and the business community of the Russian Federation